

А. В. Сокольникова,
В. В. Филимонова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ТЕМА И ОБРАЗ ГНЕЗДА В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»¹

Аннотация: В статье исследуется, как разворачивается в романе И. С. Тургенева тема и образ гнезда, трактуемого не только в содержательно-конкретном, но и в культурологическом и символическом аспектах. При этом выявляется сквозной характер этой темы, прошедшей через все творчество писателя («Без гнезда») и окрашенной особой пронзительно-личной интонацией. Анализ ведется в соотнесении с художественной философией И. С. Тургенева в целом, в единстве с другими ключевыми мотивами его творчества.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, роман «Дворянское гнездо», тема, образ гнезда, мотив, символ.

«Помню я одну скандинавскую легенду, – так кончил он. – Царь сидит с своими воинами в темном и длинном сарае, вокруг огня. Дело происходит ночью, зимой. Вдруг небольшая птичка влетает в раскрытые двери и вылетает в другие. Царь замечает, что эта птичка, как человек в мире: прилетела из темноты и улетела в темноту, и не долго побыла в тепле и свете... “Царь, – возражает самый старый из воинов, – птичка и во тьме не пропадет и гнездо свое сыщет...” Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается через людей. Сознание быть орудием тех высших сил должно заменить человеку все другие радости: в самой смерти найдет он свою жизнь, свое гнездо...» [Тургенев 1976, с. 37].

Одним из наиболее важных и последовательно фиксируемых образов в творчестве Тургенева является образ *гнезда*. Символическая полисемия

1 Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

мотивов, связанная с обращением к этому образу, обнаруживает в себе стойкие приоритеты в понимании И. С. Тургенева жизненных ценностей. Первоначально образ появился в рассказе «Мой сосед Радилов» (1847 г.), где Тургенев высказал свои воззрения на «дворянские гнезда»: «Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, “дворянские гнезда”, понемногу исчезали с лица земли...» [Тургенев 1975, с. 48]. Выражение «дворянское гнездо» закрепилось в одноименном романе (1858-1859 гг.), воплотив в себе не только форму индивидуального присутствия человека в мире, но и русского национального бытия. В романе *гнездо* будет трижды фигурировать в различных контекстах, каждый из которых воплощает в себе одну сторону многозначного образа.

Гнездо – это символ родины, родного очага, семьи. Непроизвольно возникают ассоциации с *теплом, светом, уютом*. Например, такое представление существует в сознании Лежнева, героя романа «Рудин»: «Но помни, что бы с тобою ни случилось, у тебя всегда есть место, есть гнездо, куда ты можешь укрыться. Это мой дом... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтоб и у них был приют» [Тургенев 1976, с. 126].

Образ «старого», «любимого» *гнезда* в соотнесении с судьбой самого Тургенева связан со Спасским. Неоднократно *гнездо* встречается в эпистолярии 1856–1858 годов (накануне написания романа) к разным адресатам (П. В. Анненкову, Е. Е. Ламберт, В. П. Боткину, П. Виардо, А. А. Фету, М. Н. Толстому и др.). Необходимость *гнезда* подчеркивается в письме к Е. Е. Ламберт (1857 г.): «теперь каждому надобно быть на своем гнезде», «тяжело не иметь гнезда в такое время, когда кроме гнезда, ничего уже не нужно» [Тургенев 1963, с. 163]. В письме к С. Т. Аксакову (1856 г.) читаем: «...до сих пор я все странствовал – или, говоря точнее, до сих пор я не свил себе хотя временного гнезда» [Тургенев 1961, с. 30]. В письме А. В. Дружинину (1856 г.) Тургенев с горечью признается: «Осужден я на цыганскую жизнь – и не свить мне, видно, гнезда нигде и никогда!» [Там же, с. 51]. Стоит отметить, что эти слова напрямую соотносятся со словами одного из значимых персонажей романа «Дворянское гнездо» – Глафиры Петровны Лаврецкой, которая в день изгнания ее из Лавриков изрекает:

«Знаю, кто меня отсюда гонит, с родового моего гнезда. Только ты помани мое слово, племянник: не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век. Вот тебе мой завет» [Тургенев 1976, с. 172].

В романе разворачивается тема сразу двух *гнезд* – Лаврецких и Калитиных. Это «дворянские гнезда», которые составляли основу русского общества. Изображая дворянское сословие 40-х годов, Тургенев прозревает многие «болевы́е точки» русской жизни: колебания веры, отрыв образованных людей от традиций, коренных основ национального бытия, измену национальным интересам. Главные герои в своих поисках приходят к пониманию народной правды, основу которой составляет отречение от своекорыстных целей, сострадание и долготерпение. Образ *гнезда* становится знаком нравственного мерила, поскольку высвечивает различные жизненные стремления героев Тургенева, раскрывает их характеры и отношение к Родине, к русскому миру.

В первом контексте «родимое гнездо» соотносится с родовой усадьбой – Лаврики. Писатель не представляет внешний вид дома, лишь отмечает, что он «грязный и темный». «Грязно, бедно, дрянно показалось ему его родимое гнездо; глушь и копотъ степного житья-бытья на каждом шагу его оскорбляли; скука его грызла; зато и на него все в доме, кроме матери, недружелюбно глядели» [Тургенев 1976, с. 153]. Важно показать субъективное отношение героев к родному очагу, к той обстановке, которая складывается внутри. Ни Глафира Петровна, ни Федор Иванович Лаврецкий не желают возвращаться в Лаврики, равнодушны к родному месту.

Важно отметить, что история рода Лаврецких неразрывно связана с Европой. Тургенев последовательно демонстрирует, как во тьме веков происходит сплетение корней. Прежде всего, это раскрывается на примере женских образов: бабушки Лаврецкого – Анны Павловны, слепо следующей европейской моде: «пудриться, по ее словам, было для нее смертью. <...> а в гости без пудры нельзя...» [Там же, с. 152], это франкофильство и англоманство легкомысленной княжны Кубенской, в весьма преклонном возрасте связавшей себя узами брака с молодым французом: «...разрумяненная, раздушенная амброй...на шелковом кривом диванчике времен Людовика XV, с эмалевой табакеркой работы Петито в руках...» [Там же, с. 153]. Подробно представлена история жизни отца Лаврецкого. Динамика основных событий

и ситуаций, раскрывающихся перед читателем, отражает поверхностное отношение Ивана Петровича к русской действительности, его оторванность от национальной почвы. Пребывание в родном поместье мучительно для героя, его тяготит однообразие деревенского быта. Наконец, непрерывные пространственные перемещения Ивана Петровича заканчиваются выбором мира Европы, «того мира, с которым он сросся и где чувствовал себя как дома» [Там же, с. 160]. Следовательно, основу романа составляет борьба между родным и чужеродным, ограниченным и открытым, внутренним и поверхностным.

Далее перед читателем предстает оппозиция *гнездо* – *гнездышко*. Именно *гнездышки* вила Варвара Павловна сначала в Петербурге, а затем в Париже: «В Париже Варвара Павловна расцвела, как роза, и так же скоро и ловко, как в Петербурге, сумела свить себе гнездышко» [Там же, с. 173]. *Гнездышко* становится «кривым зеркалом» того, что обретается *гнездом*. Жизнь *гнездышка* можно охарактеризовать как летаргический сон, погружающий Лаврецкого в нравственное оцепенение. Такое резкое противопоставление придает значению *гнезда* определенную доминанту: «если “там” жизнь ориентирована на “свое удовольствие”, то в “гнезде” отдельный человек поглощается различными контекстами – родовым и национальным» [Разумова, с. 56].

Основу образа *гнезда* составляет трагедийная коллизия общего и частного. Общее обладает целостностью, главным образом связанной с понятием «род». В это семантическое поле также включаются такие понятия как *родина*, *народ*, *природа*. *Гнездо* представляет собой естественную среду жизни. Однако в основе этой среды лежит и сокрушительная, возмездная сила. Являясь частью рода, Лаврецкий несет на себе отпечаток прошлого. Несмотря на то, что герой призван искупить вину предков, восстановить нарушенную гармонию, его судьба предрешена – это забвение, а затем и полное исчезновение. В эпилоге Лаврецкий произносит свой последний монолог, в котором ощущается глубина мыслей и самого Тургенева: «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы, – думал он, и не было горечи в его думах, – жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть – и сколько из нас не уцелело! – а вам надобно дело делать, работать, и благословение

нашего брата, старика, будет с вами. А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений, остается отдать вам последний поклон – и, хотя с печалью, но без зависти, безо всяких темных чувств, сказать, в виду конца, в виду ожидающего бога: “Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!”» [Тургенев 1976, с. 282].

Переместимся в дом Калитиных. Жизнь тут как будто замерла, все движется спокойно и степенно. Судьба Лизы Калитиной также соотносится с мотивом *гнезда*. Образ героини целостен и глубоко религиозен. Пройдя испытание любовью, не дав страстям завладеть ее душой, Лиза утверждает в своем высшем предназначении – служении Богу и людям. Этим можно объяснить ее уход в монастырь. Тем самым мы можем усмотреть здесь стремление найти прочную основу жизни, на которую не смогут воздействовать мирские суетные силы. Сознание Лизы Калитиной проникнуто переживанием общей вины, что неотделимо от ее последовательной христианской позиции и также сопряжено с поиском / обретением своего родного *гнезда*: «Счастье ко мне не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо» [Там же, с. 275].

Особой составляющей романного целого является эпилог, в котором Тургенев указывает на различные исходы жизни каждого героя. В эпилоге писатель также отмечает разрастание *гнезда* за счет появления нового поколения (Леночки, сына Марьи Дмитриевны, Шурочки): «Итак... прошло восемь лет. <...> Но дом Марьи Дмитриевны не поступил в чужие руки, не вышел из ее рода, гнездо не разорилось...» [Там же, с. 278]. Автор нам показывает, что дворянские гнезда отнюдь не разрушаются, преемственность остается. Тургенев разворачивает эпическую по своей природе мысль о жизни вне временных и пространственных рамок – о «жизни бесконечной». Но в то же время, Лаврецкий «отделен от надвинувшихся задач переустройства» [Маркович, с. 155], у него нет душевной связи с представителями молодого поколения. В свою очередь сменяющее его молодое поколение отрезано от прошлой жизни. Жизнь «новых людей» начинается с чистого листа, на котором они будут писать свою историю с грехами и искуплениями.

В романе «Дворянское гнездо» миропонимание писателя высвечивается с помощью многопланового и многоуровневого образа *гнезда*. Образ выполняет сюжетообразующую функцию, связанную с судьбами главных героев, а также связан с философско-мировоззренческой концепцией И. С. Тургенева. Лирически-исповедальным пафосом проникнуто одно из стихотворений в прозе, написанное уже на закате жизни писателя: «Куда мне деться? Что предпринять? Я как одинокая птица без гнезда... Нахохлившись, сидит она на голой, сухой ветке. Оставаться тошно... а куда полететь? И вот она расправляет свои крылья – и бросается вдаль стремительно и прямо, как голубь, испугнутый ястребом. Не откроется ли где зеленый, уютный уголок, нельзя ли будет свить где-нибудь хоть временное гнездышко? <...> Птица спешит, перелетает пустыню – и все глядит вниз, внимательно и тоскливо. Под нею море, желтое, мертвое, как пустыня. Правда, оно шумит и движется – но в нескончаемом грохоте, в однообразном колебании его валов тоже нет жизни и тоже негде приютиться. Устала бедная птица... Слабеет взмах ее крыл; ныряет ее полет. Взвилась бы она к небу... но не свить же гнезда в той бездонной пустоте!.. Она сложила наконец крылья... и с протяжным стоном пала в море. Волна ее поглотила... и покатилась вперед, по-прежнему бессмысленно шумя. Куда же деться мне? И не пора ли и мне – упасть в море?» [Тургенев 1982, с. 178].

Список литературы

Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). – Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. – 208 с.

Разумова Н. Е. «Дворянское гнездо» и парижское «гнездышко» [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 8. (98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/dvoryanskoe-gnezdo-i-parizhskoe-gnezdyshko> (дата обращения 26.11.2018).

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. / редкол.: М. П. Алексеев, А. С. Бушмин, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – Т. 3. Письма 1856–1859 гг. – 730 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. / редкол.: М. П. Алексеев, А. С. Бушмин, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – Т. 5. Письма 1862–1865 гг. – 658 с.

Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12 т. / редкол.: М. П. Алексеев, Г. А. Бялый. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 1. Записки охотника (1847–1874 гг.). – 400 с.

Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12 т. / редкол.: М. П. Алексеев, Г. А. Бялый. – М.: Худож. лит., 1976. – Т. 2. Рудин. Дворянское гнездо – 336 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: Н. В. Измайлов, Л. Н. Назарова; подгот. и примеч. сост. М. П. Алексеев и др. – М.: Наука, 1982. – Т. 10. Повести и рассказы 1881–1883; Стихотворения в прозе, 1878-1883; Произведения разных годов – 607 с.